

А.Ю. Серегина

БЛАГОЧЕСТИЕ И ПОЛИТИКА ПАТРОНАТА: ДЖЕЙН ДОРМЕР ПРИ ИСПАНСКОМ ДВОРЕ

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: Джейн Дормер, Генри Клиффорд, биография, благочестие, святость, патронат, двор Филиппа II, английские католики р.

АННОТАЦИЯ: В статье анализируются способы обоснования возможности и допустимости для женщины (Джейн Дормер, герцогини Ферия) политических действий. Показано, что ее секретарь и автор жизнеописания, Генри Клиффорд, для этой цели стремился подчеркнуть особое благочестие и даже святость герцогини, так как эти качества выделяли даму из числа других придворных, возвышая ее не только над другими женщинами, но и над многими мужчинами. Последним вменялось в обязанность прислушиваться к совету благочестивой дамы, так как ей приписывалась особая прозорливость и проницательность, необходимая в политике.

Биография герцогини Ферия, принадлежавшая перу ее секретаря Генри Клиффорда¹, отличалась от других биографических текстов жанровыми особенностями: она не восходила к надгробным проповедям, в отличие от других жизнеописаний английских католичек, составленных их капелланами². Клиффорд создавал сочинение, призванное возвеличить семью Дормеров — английских родственников герцогини, в покровительстве которых он нуждался. Соответственно, в его труде, как ни в одном другом, должно отражаться именно политическое значение рода Дормер — Фе-

1 Об обстоятельствах написания биографии Джейн Дормер см. **Серегина. 2019: 261-270.**

2 О жанре биографии см. **Серегина. 2018a; Серегина. 2020b: 221-234.**

рия и его матриарха. Но здесь у биографа неизбежно возникли затруднения. Клиффорду приходится обходиться намеками, а его исследователям — учиться читать между строк.

Рассказ о герцогине Ферия Клиффорда отличается тем, что он избрал в качестве модели не житие святой (обычно вдовы), как это делали капелланы-авторы других трудов, а «добродетельная жена» из Притч (31:10-31)³. Это — идеал благочестивой матери, жены и рачительной хозяйки, умножающей семейное богатство⁴.

Определения, при помощи которых автор характеризует свою героиню: «осмотрительность», «сдержанность», «мудрость» и даже «храбрость» (причем последняя, согласно Клиффорду, проявляется вне дома, т.е., в публичном про-

3 Clifford. 1887: 215.

4 10 Кто найдет добродетельную жену? цена ее выше жемчугов; /11 уверено в ней сердце мужа ее, и он не останется без прибыли; /12 она воздаст ему добром, а не злом, во все дни жизни своей. /13 Добывает шерсть и лен, и с охотой работает своими руками. /14 Она, как купеческие корабли, издалека добывает хлеб свой. / 15 Она встает еще ночью и раздает пищу в доме своем и урочное служанкам своим. /16 Задумает она о поле, и приобретает его; от плодов рук своих насаждает виноградник. / 17 Препоясывает силою чресла свои и укрепляет мышцы свои. / 18 Она чувствует, что занятие ее хорошо, и светильник ее не гаснет и ночью. /19 Протягивает руки свои к прялке, и персты ее берутся за веретено. / 20 Длань свою она открывает бедному, и руку свою подает нуждающемуся. / 21 Не боится стужи для семьи своей, потому что вся семья ее одета в двойные одежды. / 22 Она делает себе ковры; виссон и пурпур — одежда ее. / 23 Муж ее известен у ворот, когда сидит со старейшинами земли. / 24 Она делает покрывала и продает, и поясы доставляет купцам Финикийским. / 25 Крепость и красота — одежда ее, и весело смотрит она на будущее. /

26 Уста свои открывает с мудростью, и кроткое наставление на языке ее. / 27 Она наблюдает за хозяйством в доме своем и не ест хлеба праздности. / 28 Встанут дети и ублажают ее, — муж, и хвалит ее: / 29 'много было жен добродетельных, но ты превзошла всех их'. / 30 Милосердие обманчива и красота суетна; но жена, боящаяся Господа, достойна хвалы. / 31 Дайте ей от плода рук ее, и да прославят ее у ворот дела ее!

странстве)⁵, обычно адресовались политикам — мужчинам. Здесь они указывают на способность герцогини Ферия действовать в политическом поле наравне с ними. Правда, речь идет практически исключительно о патронате, и прежде всего, о покровительстве, оказанном Джейн Дормер своим соотечественникам в Испании. Да и оказываемое ею покровительство — словно бы частного характера: блестящие качества герцогини обычно упоминаются в связи с тем, как она управляла родовыми поместьями Ферия, семьей и свитой⁶. Власть герцогини ограничивается пространством дома, но это впечатление обманчиво. Во-первых, клан Ферия, которым даме приходилось управлять от имени сына, а потом и внука, принадлежал к кругу высшей испанской аристократии, и от Джейн зависело положение сотен, если не тысяч людей (если учесть арендаторов Ферия, неоднократно упомянутых на страницах биографии)⁷. Во-вторых, испанские вдовы-аристократки, имевшие право опеки над несовершеннолетними наследниками, обладали большой, хотя и непрямой властью: они распоряжались доходами от поместий, устраивали браки детей и внуков, тем самым создавая важные политические альянсы аристократических кланов, представляли семейные интересы в суде⁸, наконец, могли выступать в качестве посредников в придворной сфере (об этом см. ниже). Любой читатель, знакомый с испанскими обычаями, правильно прочитал бы знаки, которыми изобилует сочинение Клиффорда.

5 Clifford. 1887: 56, 62, 103, 128, 131, 146, 161, 170.

6 Clifford. 1887: 140-145.

7 Clifford. 1887: 122, 143-144

8 Подробнее см. Coolidge. 2011.

Биограф подчеркивал публичный характер патроната герцога Ферии, назначавшего пенсии английским эмигрантам и лоббировавшего их интересы при испанском дворе⁹, частному покровительству герцогини: она тоже оказывала помощь соотечественникам и другим эмигрантам, но делала это тайно, чтобы об этом никто не знал¹⁰. Когда же ей приходилось действовать при дворе, Клиффорд находит приемлемые образцы женского поведения: так, освобождение арестованных английских моряков¹¹ вписывается в традиционный образ добродетельной женщины — заступницы, смиренно молящей монарха о прощении для виновных.

Однако добиться своих частных целей герцогиня могла, только будучи вовлеченной в систему испанского аристократического патроната, и умея играть на этом поле. По тексту Клиффорда рассыпаны указания на высокий статус семьи Ферия в целом и герцогини в частности. Об этом свидетельствуют почести, оказанные ей во время торжественного въезда в Сеговию¹², хотя подчеркнутое уважение к юной англичанке со стороны короля и придворных было адресовано не ей, а ее мужу.

Поскольку текст Клиффорда был написан по-английски и для английской аудитории, в нем немного указаний на родственные связи Ферия среди испанских аристократов, так как они вряд ли оказались бы понятными. Фактически упомянуто только родство герцога Ферии с семьей Мендоса¹³. Однако для эмигрантов и англичан, имевших контакты

9 Clifford. 1887: 131-132.

10 Clifford. 1887: 177.

11 Clifford. 1887: 174-175.

12 Clifford. 1887: 120.

13 Clifford. 1887: 154.

в эмигрантской среде или среди испанцев, эта отсылка говорила о многом.

Испанский двор второй половины XVI в. раздирали внутренние конфликты: столкновения между придворными партиями «альбистов» (сторонников герцога Альбы) и «эболистов» (партии принца и принцессы Эболи). Этот конфликт давно привлекал внимание историков; сейчас исследователи склонны определять данное политическое столкновение как острое соперничество двух аристократических клиентел (домов Толедо и Мендоса соответственно), на которое накладывалось и противостояние политических идеологий. Партию «альбистов» (или «кастильцев», как она именовалась в конце правления Филиппа II) отличал фокус на интересах Кастилии и кастильской знати и их приоритете в рамках испанской империи, тогда как «эболисты», к числу которых, помимо клиентов многочисленного семейства Мендосы, тяготели многие аристократы не-кастильского происхождения, были склонны поддерживать идеи религиозной реформы, приходившие на Пиренейский полуостров извне (прежде всего, из Италии и Фландрии), оказывали покровительство монашеским орденам (например, иезуитам, кармелитам и др.) и имели друзей в Риме, за что и заслужили наименование «папской партии»¹⁴.

Политическая жизнь испанского двора в первой трети XVII в. была не менее бурной. Придворной группировке, возглавляемой фаворитом короля Филиппа III герцогом Лермой, противостояли придворные и аристократы, тесно связанные с женщинами королевской династии. В центре этой группы находились императрица Мария (1528–1603), сестра

14 Обзор историографии и современного состояния исследований, посвященных придворным группировкам в Мадриде второй половины XVI — начала XVII в., см. в: Millán. 2017. См. также: Sánchez. 2009: 36–60.

Филиппа II (и мать его третьей жены Анны), которая, овдовев, вернулась на родину и провела последние 20 лет жизни в обители босоногих кармелиток в Мадриде. Вместе с ней в Испанию прибыла ее младшая дочь Маргарита (1567–1633), принявшая постриг в той же обители. Наконец, к этой же партии принадлежала упомянутая в тексте биографии королева Маргарита Австрийская (1584–1611), жена Филиппа III. Дамы королевской крови пользовались большим политическим влиянием, и именно к этой придворной партии тяготели послы из Вены и Рима, а также представители ордена иезуитов.

Герцог Ферия относился к числу политических противников герцога Альбы, что связывало его семью с партией «эболистов», а сам Руй Гомес де Сильва, принц Эболи, был его патроном уже в конце 1550-х гг.¹⁵ В годы вдовства герцогиня Ферия укрепила альянс с кланомсемьей Мендоса, устроив брак сына, Лоренсо Суареса де Фигероа, II герцога Ферии (1559–1607) с Исабел де Мендосой (ум. 1593), дочерью герцога Инфантадо (главы всего разветвленного клана Мендоса). Сам герцог Ферия, принадлежавший к «папистской партии», был послом испанской короны в Риме и Франции при Филиппе II, а при его преемнике — вице-королем Каталонии и Сицилии, и продолжал покровительствовать соотечественникам матери. При этом вдовствующая герцогиня Ферия поддерживала дружеские связи с секретарем Филиппа II Хуаном де Идиакесом, тяготевшим, скорее, к «кастильцам»¹⁶. После смерти сына вдовствующая герцогиня Ферия устроила брак внука, Гомеса Суареса де Фигероа, III герцога Ферии (1587–1634), с Франсиской де Кардона, до-

15 **Boyden.** 1995: 195 (n.22).

16 **Clifford.** 1887: 192.

черь герцога Сессы — союзника герцога Лермы, фаворита молодого короля Испании Филиппа III. Таким образом, семья Ферия на протяжении трех поколений оставалась близкой самым влиятельным людям испанского двора¹⁷.

Ранее (в первой части публикации) уже шла речь о том, что политическая роль герцогини Ферия не ограничивалась только покровительством англичанам при испанском дворе. Клан Мендоса и его союзники Ферия были причастны к кругу лиц, назначавших и назначавшихся на высочайшие должности и влиявших на принятие политических решений, в том числе и касавшихся политики Испании по отношению к Англии, назначения послов в Лондон и т.п. Будучи частью этого круга, герцогиня на протяжении всей своей жизни была незаменима как посредник между Римом, Мадридом и Лондоном, и источник политической информации. Об этом свидетельствует обсуждавшиеся испанским правительством проекты ее отправки в Нидерланды, или ее предполагаемое назначение дамой опочивальни королевы Анны Датской, супруги Якова I¹⁸. Однако эти свидетельства прямого участия герцогини в политической деятельности не получили отражения на страницах ее биографии как не вписывавшиеся в создававшийся Клиффордом образ «доброй женщины», соотносившейся с евангельскими примерами. И даже в тех случаях, когда в тексте проскальзывают намеки — например, упоминание о визите жены английского посла — они рассматриваются как части повествования о благочестивой кончине (см. ниже). Более того, женщине, не занимавшей никаких официальных постов, наносила визит женщина — жена посла. Клиффорд не упоминает случаи, когда такие ви-

17 Wiltrot. 1987: 45–56. См. также Серегина. 2020b: 240–241.

18 Серегина. 2020b: 221–234.

зиты наносил сам посол, хотя это случалось, и сохранилась переписка герцогини с предшественником лорда Дигби, английским послом Корнуоллисом¹⁹

Косвенные же указания на окружение, которому принадлежала герцогиня в Испании, могли быть понятны отнюдь не всем английским читателям, но лишь тем, кто был знаком с реалиями жизни англичан в эмиграции, т.е., эмигрантами и их английскими родственниками. И это заставляет задать вопрос: кому, собственно, Клиффорд адресовал свое произведение? Его очевидные адресаты в Англии — родственники герцогини, Дормеры и их круг. Они должны были хорошо знать о контактах герцогини, так как она на протяжении всего царствования королевы Елизаветы и позднее поддерживала переписку со своими родственниками, католиками и протестантами, создавая и поддерживая тем самым канал обмена информации между испанским двором (или хотя бы отдельными его фракциями), католическими семействами и свитой королевы Елизаветы, а затем — и двором королевы Анны Датской. Так, дамы опочивальни Елизаветы — леди Фрэнсис Кобэм, леди Мэри Сидни (родственница герцогини) и графиня Линкольн — поддерживали контакты с уже находившейся в Испании Джейн Дормер в начале 1560-х гг., в годы переговоров о браке Елизаветы с эрцгерцогом Карлом Штирийским²⁰. А родственники — сводные братья и сестры Дормеры, и их супруги и члены семьи, в том числе леди Элизабет Дормер, предполагаемый адресат посвящения Клиффорда, и виконтесса Монтегю, в годы девичества служившая вместе с Джейн Дормер в опочиваль-

19 Crummé. 2013: 64-65.

20 Mears. 2004: 72 (n.27).

не королевы Марии I — обменивались письмами с герцогиней Ферия на протяжении всей жизни последней²¹.

Сохранение и поддержание канала обмена информацией с испанским двором и эмигрантами мог иметь большое значение для английских католиков — аристократов. В силу своей конфессиональной принадлежности они были лишены возможности занимать государственные посты и служить в армии, как то подобало мужчине-дворянину. Однако оставалась еще одна возможность приобщения к политической жизни и обретения политического влияния, причем на самом высоком уровне — это служба монарху в качестве придворного, причем без занятия формальных должностей, а в качестве «бывавших при дворе» аристократов. Их влияние определялось не должностями, а близостью к монарху, которая, в свою очередь, зависела от их «полезности», например, от способности выступить посредниками в сложной дипломатической игре или стать источниками ценной информации²². И здесь для Дормеров, стремившихся войти в число придворных, возможность обмениваться письмами со своими родственниками — Ферия оказывалась незаменимой.

Конечно, молодой граф Карнарвон, которому Клиффорд в конце концов посвятил биографию его родственницы, был еще слишком молод (ему было всего 11 лет, когда он унаследовал титул в 1643 г.). Таким образом, текст Клиффорда мог быть адресован свите молодого графа, сформировавшейся при его отце — Роберте Дормере, графе Карнарвоне, придворном из происпанского партии графа Эрэндела, приближенном Карла I с большими политическими амбициями²³.

21 **Questier.** 2006: 146, 353-355.

22 **Серегина.** 2017: 238-242.

23 **См. Cust.** 2014: 80-82.

Самому Клиффорду необходимо было найти покровителя среди английских родственников своей покойной патронессы, и возвеличивавшая честь рода, а также и говорившая о политическом влиянии рода биография должна была сделать Клиффорда желанным гостем в доме Дормеров.

Однако представление патронессы как политического игрока было сопряжено для автора с немалыми трудностями: в Европе раннего Нового времени не существовало языка описания активной женской деятельности в публичном пространстве. Клиффорду приходилось искать границы приемлемого в описании.

В биографии герцогини присутствует очевидный пример, которому она сама старательно следовала всю жизнь. Это — ее бывшая госпожа, первая английская королева Мария I. В посвященной ей главе текста (гл. 5 и 6²⁴) Клиффорд представляет Марию как защитницу веры и благочестивую христианку. Именно такому образу соответствует и сфера деятельности герцогини, которому мы сейчас описали бы как патронат. Она оказывала покровительством англичанам — эмигрантам и даже просто пленникам, оказавшимся в Испании, а также и другим иностранцам. Большая часть ее подопечных при этом все же была клириками — миссионерами, или монахами. В число последних входили общины английских картузианцев и бригеттинок, тесно связанных с семьей Дормер с момента основания обителей на родине в конце XV в., хотя Клиффорд упоминает только ее покровительство, оказанное мужской общине²⁵.

В отличие от других биографий английских католичек, в жизнеописании герцогини Ферия отсутствуют любые наме-

24 См. Клиффорд. 2019: 309-334.

25 Clifford. 1887: 206.

ки на уподобление героини миссионеру. Жившая в Испании дама оказывалась вне ситуации религиозных преследований, а значит, ее поведение должно было следовать правилам, подобающим для дам ее круга. Их роль ограничивалась, как мы видим, покровительством, оказанным английским миссионерам-мужчинам²⁶.

Обоснованием права герцогини выступать в роли политического актора (хотя на страницах биографии эта ее роль ограничена отношениями патроната) является ее особое благочестие. Рассказ о нем, впрочем, кажется вполне конвенциональным и воспроизводит стереотипы, свойственные многим описаниям женских религиозных практик (применительно к мирянкам).

Благочестие герцогини, прежде всего, проявляется в том, что она, став вдовой, живет по-монашески. Это означает отказ от вступления в повторный брак (хотя герцогиня овдовела в возрасте тридцати четырех лет). Правда, Клиффорд тут же оговаривается, что вдовы испанских грандов никогда не вступали во второй брак (обычай, разительно отличавшийся от английского и требовавший объяснений)²⁷; таким образом, отказ от брака может быть объяснен не столько благочестием, сколько социальными нормами. Другие признаки монашеской жизни — отказ от роскоши (в одежде) и еде²⁸, однако нигде в биографии не говорится об особенных аскетических практиках.

Как и подобает благочестивой вдове, герцогиня Ферия строго следила за поведением слуг: легкомыслие подчиненных бросало честь и на госпожу. Клиффорд подчеркивает,

26 Об уподоблении английских католичек миссионерам см.: Серегина. 2020b: 120-129.

27 Clifford. 1887: 161.

28 Clifford. 1887: 161-163.

что от своих слуг Джейн Дормер требовала благочестия — как минимум, регулярного присутствия на богослужениях, соблюдения постов и т.п., а также целомудрия и честности (видимо, здесь имеется в виду ее нетерпимость ко лжи и мелкому воровству)²⁹.

Описание личных религиозных практик герцогини, краткое по сравнению с другими английскими женскими биографиями, отражает установки пост-Тридентского благочестия. Последнее подразумевало регулярное присутствие на богослужении, частое причащение, а также личные молитвенные практики, обычно включавшие в себя молитвы розария, чтение Часов и др., а также зачастую и членство как минимум в одном благочестивом братстве. Все это мы находим в биографии герцогини. Клиффорд сообщает, что она каждый день присутствовала на мессе в своей капелле и причащалась каждое воскресенье и по большим праздникам. Кроме молитв розария, она ежедневно прочитывала Часы, а также молитвы breviария (т.е., служебника, предназначенного для духовенства)³⁰. Сам этот факт служит косвенным указанием на то, что герцогиня владела латынью, а учитывая тот факт, что в детстве она училась вместе с будущим королем Англии Эдуардом VI (см. гл. 4)³¹, это представляется и вполне вероятным.

Помимо этого, герцогиня была членом братства (сестричества) «слуг Богородицы», основанного при конvente Св. Урсулы в Алькала де Энарес³². Автор называет монахинь францисканками, и действительно, в начале своего

29 Clifford. 1887: 158-161.

30 Clifford. 1887: 159.

31 Клиффорд. 2019: 304-307.

32 Clifford. 1887: 182.

существования (до 1511 г.) орден принял устав кларисс. Однако речь идет об обители Ордена Непорочного зачатия Богородицы. Она, таким образом, была связана с аспектом почитания Девы Марии, который считается знаковым для пост-Тридентского благочестия. Клиффорд упоминает также и особое почитание герцогиней Имени Христова — еще одно указание на распространение пост-Тридентской религиозной культуры³³.

Не стоит, впрочем, считать, что благочестие Джейн Дормер полностью определялось ее испанским опытом, хотя последний, безусловно, играл большую роль. Выйдя замуж за герцога Ферью, она вошла в состав клана, уже прославившегося покровительством новым орденам, и прежде всего, иезуитам, а также многочисленным ответвлениям францисканцев, в особенности реколлетам, тоже представлявшим новый орден³⁴. Вместе с тем герцогиня продолжала покровительствовать английским общинам картузианцев и бригеттинок, как уже отмечалось выше, а такого рода предпочтения были свойственны для английских благочестивых мирян XV — начала XVI вв. и очевидно унаследованы Джейн Дормер от ее бабушки.

Круг чтения герцогини также указывает на ее принадлежность религиозной культуре, формировавшейся как минимум за столетие до Тридентского собора. Клиффорд перечисляет книги, к которым она часто обращалась. Это сочинения Св. Августина — «Исповедь», «Размышления» и «Руководство [в благочестивой жизни]»³⁵. Точно такой же круг чтения был характерен и для родственников Джейн Дормер

33 Clifford. 1887: 196.

34 Clifford. 1887: 126.

35 Clifford. 1887: 160.

в Англии — представителей католической семьи Монтегю в конце XVI в.³⁶ Невозможно, однако, с точностью определить, идет ли речь о влиянии континентальной — испанской и фламандской — религиозной культуры на английских католиков (при посредничестве эмигрантов-католиков второй половины XVI в.), или же о свойствах религиозной культуры Англии начала — середины XVI в., когда Джейн Дормер воспитывалась в английском придворном кругу, так же, как и леди Монтегю. В последнем случае также невозможно исключать опосредованного (но более раннего) влияния Испании: так, многие благочестивые практики английских католиков, семьи которых (как Дормеры и Монтегю) имели связи с тюдоровским двором, в частности, почитание Св. Франциска, восходят к кругу придворных дам королевы Екатерины Арагонской и, соответственно, к испанской религиозной культуре начала XVI в.³⁷

Сочинения Св. Августина имели хождение во всех европейских странах, католических и протестантских, а всплеск интереса к ним приходится на XV–XVIII вв., так что ряд исследователей склонен говорить даже об «августиновской Европе». Наиболее ранними центрами распространения августиновского наследия стали Италия и Нидерланды (в последних — при посредничестве переписчиков из числа Братьев Общей жизни), но наибольшее количество рукописных копий трудов Св. Августина в XV в. произвела Испания. В конце XVI в. в Лувене (где жила сестра герцогини Ферия) вышло многотомное издание трудов Св. Августина, которым пользовалась вся католическая Европа (вплоть до конца

36 Серегина. 2017: 424-425.

37 Серегина. 2017: 461-462.

XVII в.)³⁸. Из текста биографии, впрочем, следует, что герцогиня читала Св. Августина по-испански³⁹, т.е. использовала другое издание (или даже рукописные копии, принадлежавшие семье Ферия).

Однако личного благочестия для оправдания активного участия в политической деятельности Клиффорду было мало. Ему необходимо было показать, что его патронесса была не просто набожной дамой: ее благочестие свидетельствовало о том, что она — одна из избранных Божьих. Избранничество Джейн Дормер выражалось, в частности, в то, что ей дарована была особая мудрость и проницательность, способность проникать в мысли и побуждения людей. Это качество проявляется в истории о ложной святой — сестре Марии де Виситасьон, доминиканской монахини из Лиссабона, которая течение десятилетия (1580-е гг.) пользовалась европейской славой как живая святая. Клиффорд говорит, что на уловки монахини, сумевшей вызвать на своем теле раны, имитировавшие стигматы, попались многие, в том числе папы и короли, а также и люди, прославившиеся своим благочестием и даже святостью⁴⁰. Так, в монахе, беседовавшем с герцогиней о монахини, и неназванном по имени, угадывается покровитель Марии де Виситасьон, влиятельный доминиканский проповедник и полемист Луис де Гранада⁴¹. Даже такой проницательный человек оказывается обманутым мошенницей. Однако герцогиня Ферия сумела разглядеть фальшь, заметив противоречие между внешним обликом святой (т.е., фальшивыми стигматами) и ее поведением —

38 Wright. 2017: 4-5.

39 Clifford. 1887: 160.

40 Clifford. 1887: 164-165.

41 Clifford. 1887: 166.

нарушением строгости поста (вкусением присланной приорессе в дар скоромной пищи) и легкомысленным общением со всеми посетителями, т.е. нарушением правила затвора⁴². Стоит отметить, что нарушение границы между частным пространством монашеской кельи и публичным пространством оказывается одним из критериев отказа в святости. В случае Марии де Виситасьон нарушение оказывается еще более вопиющим: доминиканка открыто вмешивалась в политику, публично выказав свою поддержку Армаде. В тексте биографии упомянут эпизод, в котором доминиканке приносят знамена отплывающей Армады, чтобы она их благословила⁴³. Клиффорд осудил монахиню за дерзость, противопоставляя ей свою героиню, в своих действиях не выходившую за пределы частной сферы, хотя это на поверку и оказывалось иллюзией: пространство дома короля или королевы по определению не могло быть частным.

Другим — и главным — доказательством святости герцогини стала дарованная ей благая смерть. Ее обстоятельства детально описывались в биографии: Клиффорд неотлучно находился при своей госпоже весь последний год ее жизни. Рассказ о смерти героини в нем сильно отличается от остальных описаний, приведенных в английских биографиях. Во-первых, это повествование гораздо длиннее прочих и занимает полторы главы⁴⁴. Кроме того, оно отличается детальностью и содержит массу подробностей о том, как себя чувствовала герцогиня, кто наносил ей визиты, о таинствах и богослужениях, на которых она присутствовала, причем

42 Clifford. 1887: 166.

43 Clifford. 1887: 166.

44 Clifford. 1887: 154-157, 181-200.

здесь Клиффорд не менее внимателен, нежели капелланы других дам к духовной жизни своей героини⁴⁵.

В тексте очень подробно говорится именно о физической стороне болезни, как ее воспринимали свидетели. При чем начинается свою «историю болезни» Клиффорд издалека, отступая ко времени, отстоявшему от смерти леди Джейн больше, чем на два года. Он рассказывает о том, как 20 августа 1609 г. герцогиня сломала руку: пришедшая в гости родственница (герцогиня де Инфантадо) слишком сильно потянула ее за руку, и хрупкие старческие кости не выдержали. При этом герцогиня уже была нездорова, испытывая боли в груди слева, так что ей невозможно было поднять левую руку, и она подвязывала ее шарфом. Именно эта рука и оказалась сломанной чуть выше локтя⁴⁶.

Клиффорд подробно описывает смятение родственников, которые сначала заподозрили вывих, отказываясь поверить, что кости могут оказаться настолько хрупкими. Потом выяснилось, что кость все же сломана. В панике послали за ближайшим костоправом, который не сумел правильно соединить сломанные кости и зафиксировать руку повязкой⁴⁷. Его сменил вызванный из Мадрид королевский хирург, который тоже сделал все неправильно, так что кость не срасталась, а герцогиня все время испытывала боль. Наконец, через неделю мучений приехал деревенский костоправ, рекомендованный дальней родственницей, и он, наконец, сумел вправить кость и зафиксировать больную руку⁴⁸. Джейн Дормер пришлось сорок дней лежать на спине: любые по-

45 Подробнее о благой смерти у английских католических авторов XVI-XVII вв. см. Серегина. 2020а.

46 Clifford. 1887: 154.

47 Clifford. 1887: 155-156.

48 Clifford. 1887: 156-157.

пытки повернуться вызывали сильнейшие страдания. Клиффорд здесь уподобляет герцогиню праведному Товиту, ссылаясь на соответствующую книгу Ветхого Завета⁴⁹. Затем мы узнаем, что поправившаяся было герцогиня попыталась взять на руки правнучку, но испытала такую сильную боль в руке, что упала в обморок. После этого она все время носила руку подвязанной шарфом⁵⁰.

Все эти подробности являются лишь прелюдией к описанию последней болезни герцогини. Прошло больше года, и состояние леди Джейн постепенно ухудшалось. Главным симптомом болезни были нарастающие боли в левой груди. Эта деталь глубоко символична, так как боль в левой груди ассоциировалась со страданиями Христа⁵¹. Герцогиня постепенно ослабела так, что не могла встать с постели, поэтому в ее доме передвинули двери спальни, чтобы она могла видеть часовню и алтарь и таким образом присутствовать на богослужении⁵².

Особенно подробно в тексте описаны последние дни жизни герцогини (конец января 1612 г.), на протяжении которых Клиффорд как секретарь дамы практически неотлучно находился при ней, вместе с ее многочисленными капелланами. Он совмещает образы страданий / мученичества и тихой смерти / Успения. В его рассказе герцогиня несколько раз, как кажется, впадает в агонию, испытывает явные мучения, теряет способность говорить (хотя и по-прежнему откликается — пусть только лишь движением головы — на упоминание при ней имени Иисуса) и впадает в забытие, но

49 Clifford. 1887: 157. **Тов.** 2:13-14: «Оставался неподвижным из страха Божия, благодаря его во все дни своей жизни».

50 Clifford. 1887: 183.

51 Clifford. 1887: 183.

52 Clifford. 1887: 184.

потом вновь приходит в себя, с сожалением вопрошая: «Я уже была близка [к небесам], зачем меня позвали назад?»⁵³. Смерть приходит к ней позже, после того как герцогиня произнесла последние молитвы, причастилась и попрощалась с членами семьи, и оказывается совсем не такой мучительной, а агония — краткой, словно в награду за уже перенесенные страдания⁵⁴.

Клиффорду свойственна некая хаотичность повествования, перескакивание и отступления, но они создают эффект присутствия: в его истории перемешаны сцены молитвы и принятия таинств, напоминающие описания из сочинений капелланов и выстроенные по образцам наставительной литературы⁵⁵, рассказы о появлении высокопоставленных посетителей⁵⁶, о том, что ела больная⁵⁷ и т.п. И все это расписано по дням, что неудивительно, ведь общением с посетителями, письмами родственникам и друзьями ведал именно ее секретарь.

Например, 23 января 1612 г. (утром накануне смерти) герцогиня причастилась, соборовалась и, кажется, уже пребывала в агонии. Собравшиеся родственники и домочадцы ждали неминуемой смерти, но леди Джейн пришла в себя и даже заговорила с собравшимися у ее постели. От них она узнала, что совсем недавно к ней заезжала жена английского посла, леди Беатрис Дигби, графиня Бристоль. Герцогиня выразила сожаление о том, что не попрощалась с леди Дигби, за той послали, и она вернулась в дом Ферия. К ней герцогиня обрати-

53 Clifford. 1887: 199.

54 Clifford. 1887: 200.

55 Clifford. 1887: 189-192.

56 Clifford. 1887: 192-194.

57 Clifford. 1887: 189, 196.

ла свой призыв обратиться в католичество⁵⁸, и только совершив это благое дело она, наконец, смогла умереть. Такого рода предсмертная проповедь является топосом рассказов о благой смерти, свойственный клирикам XVI–XVII вв. из стран, разделенных конфессиональным конфликтом.

В сочинении Клиффорда есть еще несколько рассказов о смерти. Он упоминает о смертях двух родственниц своей патронессы — ее бабушки, леди Джейн Дормер (ум. 1571), и сестры герцогини, леди Энн Хангерфорд (ум. 1603), скончавшихся в Лувене, где обе они жили в эмиграции. В обоих случаях благая смерть только упоминается одной фразой. Так, леди Дормер «с благоговение приняв святые таинства церкви, до конца оставалась к сознанию и разумению, в уверенности и душевном покое»⁵⁹. А о смерти леди Энн сказано всего лишь, что она «пошла по стопам своей бабушки»⁶⁰. Клиффорд не был свидетелем смерти в обоих случаях и предпочел совсем обойтись без подробностей; таким образом, следует заключить, что подробное описание предсмертной болезни и физических страданий мог составить лишь их свидетель — подобно тому, как свидетели мучений страдалцев за веру составляли мученики.

Кроме того, в тексте есть несколько более развернутые (но все равно очень короткие по сравнению с рассказом о смерти герцогини) повествования о жизни и смерти двух английских королей, Марии Тюдор и Елизаветы⁶¹, противопоставленных друг другу как символы доброй и дурной жизни.

58 Clifford. 1887: 197-198.

59 Clifford. 1887: 52-53.

60 Clifford. 1887: 75.

61 Clifford. 1887: 67-100.

Джейн Дормер очевидным образом уподобляется королеве Марии, фрейлиной которой она была до замужества. Она находилась рядом со своей госпожой, когда та умирала, и рассказ о смерти королевы Марии приводится Клиффордом со ссылкой на слова герцогини. В этом эпизоде королева, испытывая телесные страдания, еще перед смертью видит рай и слышит хор ангелов, а умирает сразу после принятия причастия⁶², так что у читателя не остается сомнений, куда направляется после смерти ее душа. Подобную же ситуацию мы встречаем и в описании смерти Джейн Дормер. Таким образом, здесь физические страдания играют роль своего рода чистилища на земле, приуготовлявшего душу к раю. Они также являются признаком мученичества и избранничества.

Косвенным подтверждением того факта, что герцогиня почиталась святой, служит борьба за ее тело (вероятные мощи святой), развернувшаяся после ее смерти между двумя женскими обителями Сафры — конвентом кларисс и конвентом Св. Марины. Обе монашеские общины пользовались покровительством семьи Ферия и лично герцогини (последняя финансировала возведение храма в последней из них, основанной к тому же бывшей дамой ее свиты Маргаритой де Сиснерос [урожд. Маргарет Харрингтон]⁶³. Аббатиса конвента Св. Марины даже призналась Клиффорду в том, что она с сестрами собиралась похитить тело покровительницы (которое должно было быть похоронено в родовой усыпальнице Ферия в конвенте кларисс)⁶⁴. Рассказы о благочестивых кражах мощей типичны для средневековой житийной литературы. Кроме того, части тел англичан-католиков, пострадавших за

62 Clifford. 1887: 70-71.

63 Clifford. 1887: 209.

64 Clifford. 1887: 210-211.

веру и почитавшихся мучениками задолго до своей официальной канонизации, контрабандой вывозились в Испанию, и испанские монастыри и их патроны конкурировали между собой за право получения этих мощей⁶⁵. Клиффорд фактически встраивает герцогиню именно в эту традицию.

Сочинение Клиффорда подчеркивало добродетели и благочестие герцогини Ферия, подобно другим биографам английских католичек. Идеальным аристократкам (будь они монахинями, благочестивыми вдовами или даже женами и матерями) полагалось демонстрировать смирение, подчинение власти мужчин и не высказывать своего мнения (тем более по политическим вопросам, или по поводу назначений на должности). Голос женщины должен был быть слышным лишь в молитве. Таким образом, политическое влияние знатных женщин и даже представительниц правящих домов практически полностью сводилось на нет⁶⁶.

Однако труд Клиффорда все же предоставлял обоснование тому факту, что женские голоса звучали в совете (пусть и неформальном). Молитва в уединении монастырской кельи или в своих покоях воспринималась и изображалась (прежде всего, в текстах, но порой и визуально) как «защита истинной веры», прямая параллель войне, которую мужчины вели с оружием в руках⁶⁷. Для того, чтобы быть таким «защитником веры», благочестивые женщины должны были преодолевать несовершенство своего пола, тем самым словно бы становясь мужчинами: их благочестие описывается исключительно в мужских понятиях. Вспомним аллюзию Клиффорда на добродетельную жену из Книги Притч: в тек-

65 Серегина. 2018.

66 Sánchez. 2009: 62-66.

67 Sánchez. 2009: 63. См. также Wyhe C. van. 2016.; Серегина. 2016: 207-209.

сте Вульгаты она обозначена как *mulier fortis*⁶⁸, а в английском католическом переводе начала XVII в. (Библия Дуэ-Реймса) — как *valiant woman*⁶⁹ Такие благочестивые дамы оказывались особенно близки к Богу и обретали как глубокое понимание человеческой природы, так и сокровенное знание, касавшееся будущего страны. Поэтому к их деловым советам, касались ли они назначений на должности или определения политических задач, стоило прислушиваться.

68 *Mulierem fortem quis inveniet?* (**Proverb.** 31:10, *Vulgata Clementina*).

69 *Who shall find a valiant woman?* (**Proverb.** 31:10, *Douai-Reims version*).

Список источников и литературы

ИСТОЧНИКИ

Клиффорд. 2019 — Клиффорд Г. Жизнеописание леди Джейн Дормер, герцогини Ферия / Пер. с англ. и коммент. А.Ю. Серegiной // Адам и Ева. Альманах гендерной истории. Вып. 27. 2019.

Clifford. 1887 — Clifford H. Life of Jane Dormer, Duchess of FERIA / ed. by J. Stevenson, S.J. L., 1887.

ЛИТЕРАТУРА

Серегина. 2016 — Серегина А.Ю. Гендер и конфессия: религиозная символика в портретах английских католиков XVI–XVII вв. // Адам и Ева. Альманах гендерной истории. Вып. 24. 2016. С.190–242

Серегина. 2017 — Серегина А.Ю. Английское католическое сообщество XVI – XVII вв.: виконты Монтегю. М.–СПб., 2017.

Серегина. 2018a — Серегина А.Ю. Женская биография и католическая религиозная культура XVII в.: «Жизнеописание виконтессы Монтегю // Адам & Ева. Альманах гендерной истории. Вып. 26. 2018. С. 226–245.

Серегина. 2018b — Серегина А. Ю. Материальная культура английского католического сообщества XVI–XVII вв.: источники и перспективы исследования // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2018. Т. 9. Выпуск 9 (73) [Электронный ресурс]. Доступ для зарегистрированных пользователей. URL: <https://history.jes.su/s207987840002484-1-1/> (дата обращения: 17.10.2020).

Серегина. 2019 — Серегина А.Ю. Женщина в мире политики XVI в.: жизнеописание Джейн Дормер, герцогини Ферия // Адам и Ева. Альманах гендерной истории. Вып.27. 2019. С.261–270.

Серегина. 2020a — Серегина А. Ю. Болезнь и смерть в благочестивых биографиях английских католичек XVII в. // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2020. Т. 11. Выпуск 4 (90) [Электронный ресурс]. Доступ для зарегистрированных пользователей. URL: <https://history.jes.su/s207987840009850-4-1/> (дата обращения: 17.10.2020).

Серегина. 2020b — Серегина А.Ю. Обретение голоса. Женщины английского католического сообщества XVI–XVII вв. М.–СПб., 2020.

Boyden. 1995 — Boyden J.M. *The Courtier and the King: Ruy Gómez de Silva, Philip II, and the Court of Spain*. Berkeley; Los Angeles; L., 1995.

Coolidge. 2011 — Coolidge G.E. *Guardianship, Gender, and the Nobility in Early Modern Spain*. Farnham, 2011.

Crummé. 2013 — Crummé H.L. *Jane Dormer's Recipe for Politics: a Refuge Household in Spain for Mary Tudor's Ladies-in-Waiting // The Politics of female Households: Ladies-in-waiting across Early Modern Europe* / Ed. by N. Akkerman, B. Houben. Leiden, 2013. P. 51-71.

Cust. 2014 — Cust R. *Charles I and the Aristocracy, 1625-1642*. Cambridge, 2014.

Mears. 2004 — Mears N. *Politics in the Elizabethan Privy Chamber: Lady Mary Sidney and Kat Ashley // Woman and Politics in Early Modern England, 1450 - 1700* / ed. by J. Daybell. Aldershot, 2004. P. 67-82.

Millán. 2017 — Millán J.M. *Factions and Political groups at Philip II's Court: Albists vs Ebolists // A Europe of Courts, a Europe of Factions: Political Groups at Early Modern Centres of Power (1550 - 1700)* / Ed. by R. González Cuerva, A. Koller. Leiden, 2017. P. 109-129.

Questier. 2006 — Questier M.C. *Catholicism and Community in Early Modern England: Politics, Aristocratic Patronage and Religion, c. 1550 - 1640*. Cambridge, 2006.

Sánchez. 2009 — Sánchez M.S. *The Empress, the Queens, and The Nun: Women and Power at the Court of Philip III of Spain*. 2nd edn. Baltimore, 2009.

Wiltroat. 1987 — Wiltroat A.E. *A Patron and a Playwright in Renaissance Spain: The House of Feria and Diego Sánchez de Badajoz*. L., 1987.

Wright. 2017 — Wright A.D. *The Counter-Reformation. Catholic Europe and the Non-Christian World*. 2nd edn. Abingdon, 2017.

Wyhe C. van. 2016 — Wyhe C. van. *The Making and Meaning of the Monastic Habit of Spanish Habsburg Courts // Early Modern Habsburg Women: Transnational Contexts,*